

танства, можетъ быть сильна своимъ положительнымъ содержаніемъ и общимъ нравственнымъ вліяніемъ. Кто въ цѣломъ рядѣ поученій будетъ назидательно излагать и объяснять дневныя евангелія, значеніе таинствъ и священнодѣйствій, значеніе празднуемыхъ событій библейской и церковной исторіи, изображать житія святыхъ, преподавать наставленія о христіанской любви, доброй семейственности, взаимопомощи, честности, трудолюбии, трезвости и т. д. тогь, съ Божіею помощію, возможно этимъ способомъ еще лучше, чѣмъ посредствомъ обличеній, направленныхъ на сектантовъ, предохранить отъ сектантской заразы своихъ православныхъ прихожанъ и при ихъ воздѣйствіи привлечь въ церковь и самихъ сектантовъ.

Говорятъ еще: не столько въ проповѣди, сколько въ нравственномъ характерѣ приходскаго пастыря—сила какъ его вліянія на прихожанъ, такъ и воздѣйствія на существующихъ въ приходѣ сектантовъ. Пастырь, невинный въ вымогательствѣ, неуживчивости, благоговѣйный въ богослуженіи, усердный въ требосправленіяхъ, кроткій, обходительный, участливый къ нуждѣ и горю, словомъ, добрый и истинно благочестивый пастырь и безъ помощи проповѣди воспитаетъ своихъ прихожанъ и уберезетъ или уврачуеетъ ихъ отъ шундистской заразы. Ссылаются на примѣры приходоѡвъ, гдѣ съ замѣною дурнаго или небрежнаго священника добрымъ тотчасъ начала слабѣть и шунда. Указываютъ даже такіе случаи, что прихожане, подпавшіе шундистской заразѣ, говорили: дайте намъ такого священника, какой вотъ въ томъ-то приходѣ,—и мы оставимъ шунду и возвратимся въ церковь. Словомъ—«доброе житіе сильнѣе проповѣди». Но правда этого положенія не противорѣчитъ той правдѣ, что если

прилежащіе добръ пресвитеры достойны сугубой чести, то паче достойны тѣ изъ нихъ, которые *трудоуааются* также въ словѣ и ученіи (1 Тим. V, 17). Вліяніе добраго житія восполнится и расширится вліяніемъ слова и ученія. Подвигъ въ словѣ и ученіи можетъ возвышать духовное развитіе и самого учащаго. Упражненія въ проповѣдничествѣ, соединенныя съ постояннымъ и вдумчивымъ обращеніемъ къ слову Божію, какъ главному источнику христіанскаго ученія и проповѣдническаго вдохновенія, могутъ благотно воздѣйствовать и на тѣхъ изъ приходскихъ пастырей, которые нуждаются въ томъ, чтобы воспрянуть отъ коsnѣнія и оживить въ себѣ чувство и мысль о своемъ высокомъ призваніи.

И. Малышевскій.

(Продолженіе будетъ).

Можетъ и долженъ-ли священникъ быть учителемъ и примѣромъ въ веденіи сельскаго хозяйства?

Дайте имъ вы ясти. (Мѡ. 14, 16; Лук. 9, 13).

Казалось бы, что распространеніе всякаго рода полезныхъ свѣдѣній по части сельскаго хозяйства среди темной массы земледѣльческаго люда должно быть священнымъ долгомъ *каждаго образованнаго человека*, стоящаго въ близкомъ соприкосновеніи съ народомъ, и прежде всего сельскихъ пастырей и учителей народныхъ школъ. Но въ недавнее время, въ разговорахъ съ духовными лицами, мнѣ пришлось слышать разныя мнѣнія объ улучшеніи крестьянскаго хозяйства, при чемъ большинство высказывалось въ томъ смыслѣ, что священникъ никакъ не долженъ вмѣшиваться въ хозяйственныя дѣла своихъ прихожанъ, а что это составляетъ долгъ земствъ и сельско-хозяйственныхъ обществъ, всякое же поученіе со стороны священника по части сельскаго хозяйства было бы толь-

ко урономъ его авторитета и пастырскаго вліянія на своихъ пасомыхъ. Мы, говорятъ, должны быть только священниками, служителями алтаря и Христовой истины, представителями нравственныхъ началъ, а не матеріальной наживы. Мы первые должны поставить своимъ девизомъ слова Господа: „Ищите прежде царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ“. Мнѣніе это высказывалось и въ печати.

Въ виду такихъ, утвердившихся въ большей или меньшей части русскаго духовенства, мнѣній, считаю нужнымъ объясниться. Я родился въ странѣ искони русской, но давно поднавшей власти иноплеменниковъ, смотрѣвшихъ и продолжающихъ доселѣ смотрѣть на русскій земледѣльческій народъ, какъ на покорныхъ овецекъ, которыхъ можно и должно, сколько угодно, притѣснять всякаго рода поборами и налогами, но о благосостояніи котораго можно очень-очень мало или совсѣмъ не стоитъ заботиться. Правда, издавна тамъ существуетъ сеймъ, совѣты повѣтовые, агрономическое общество; но о первыхъ народъ слышитъ только во время выборовъ, о послѣднемъ не слышитъ никогда, даже не знаетъ о его существованіи, слѣдовательно оно не принесло этому народу никакой пользы, да вѣроятно никогда и не принесетъ. Сельскому народу въ Галичинѣ никогда не желали добра помѣщики, вслѣдствіе исторически сложившагося національнаго и вѣроисповѣднаго антагонизма; напротивъ, въ своихъ же собственныхъ интересахъ польское панство старалось держать хлопскій народъ въ черномъ тѣлѣ и отдало его на добычу евреямъ и всякимъ пришельцамъ, алчущимъ поглотить его землю-кормилицу. Въ такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ одно только духовенство явилось не только просвѣтителемъ, но единственнымъ заступникомъ и защитникомъ этого несчастнаго страдальца-народа. Духовенство же было и учителемъ его по части хозяйства, и всѣмъ, что добраго въ этомъ отношеніи сдѣлано народу, послѣдній обязанъ только духовенству. Дѣятельность духо-

венства въ этомъ послѣднемъ направленіи, какъ я самъ видѣлъ и испыталъ на дѣлѣ, не только не нанесла ущерба его пастырскому авторитету, а наоборотъ—высоко подняла этотъ авторитетъ, сблизила тѣснѣе народъ съ своими пастырями, установила чисто сыновнія отношенія паствы къ пастырю, какъ къ отцу-радетелю о его благосостояніи. Опытъ показывалъ, что народъ тѣмъ болѣе уважаетъ и любитъ священника, чѣмъ болѣе тотъ расширяетъ свои обязанности не только какъ церковнаго учителя, но и ближайшаго руководителя, совѣтника и въ обыденныхъ житейскихъ и въ хозяйственныхъ дѣлахъ. Народъ не любитъ и не уважаетъ теоретиковъ или гордецовъ, которые говорятъ пустыя фразы о просвѣщеніи и братской любви, на самомъ же дѣлѣ вовсе не заботятся объ этомъ просвѣщеніи и не исполняютъ долга христіанской любви къ ближнему, равнодушно смотря на невѣжество народа съ истекающимъ отсюда убожествомъ и нищетою,—корнемъ и рассадникомъ всевозможныхъ пороковъ и преступленій. Если бы галицкое и буковинское православное духовенство, сложа руки, дождалось благотѣльныхъ плодовъ дѣятельности сеймовъ, ихъ органовъ, да „общества сельскаго хозяйства“, то при такихъ убійственныхъ для крестьянскаго хозяйства правахъ, какъ свобода дѣлежъ участковъ въ безконечность и правоуравниеніе евреевъ, въ рукахъ русскаго народа осталось бы очень мало его кровной земли. Всего лучше подтверждаютъ это цифры: евреи захватили въ Галиціи въ собственность 513 помѣстій съ 400,000 морговъ земли, крестьянской же земли только 100,000 морговъ! Эта громадная цифра, которую неминуемо увеличитъ небывалый въ этой странѣ голодъ нынѣшняго года, всетаки еще очень мала въ сравненіи съ количествомъ захваченной жидами помѣщичьей земли, особенно если принять во вниманіе тѣ благоприятныя условія, въ какихъ поставлены помѣщики, имѣющіе и имѣвшіе возможность пользоваться разными кредитными учреждениями, совершенно закрытыми и недоступными для крестья-

янь. Крестьянинъ въ случаѣ нужды долженъ платить жиду-ростовщику огромные проценты подъ залогъ своего земельнаго участка. Тутъ то и сказались безцѣнные результаты дѣятельности и великія услуги галицкаго духовенства родному народу, и неудивительно, что народъ за это относится къ нему съ полнымъ уваженіемъ, довѣріемъ и любовью, зачастую избираетъ пастырей своими защитниками въ совѣты повѣтовые, въ сеймъ и центральный вѣнскій парламентъ, несмотря на всѣ адскія интриги и насилія иноплемениковъ и своихъ изверговъ.

Я прекрасно понимаю, что священникъ съвера или дальняго востока Россіи не хочетъ и слышать о какой-нибудь обязанности учить народъ сельскому хозяйству. Онъ можетъ быть спокоенъ на счетъ земледѣлнія крестьянъ, такъ какъ, благодаря покровительству законовъ, ему не угрожаетъ опасность отъ жида или нѣмца. Тѣмъ не менѣе, нельзя не видѣть крайности въ томъ предположеніи, что руководствомъ священника по части улучшения сельскаго хозяйства можно хоть сколько-нибудь уронить высокое званіе пастыря. Кто разсуждалъ такъ, тому вѣроятно не доводилось воочію убѣдиться, что убожество, нищета ведутъ къ преступленіямъ чаще, чѣмъ матеріальная обеспеченность и довольство. Пусть зайдетъ онъ въ тюрьмы и спроситъ, кого тамъ больше—богатыхъ ли, или бѣдныхъ? У нѣмцевъ есть пословица: *Noth kennt kein Gebot*—бѣда не знаетъ закона. Вѣдники больше пьянствуютъ, чѣмъ богатые; имъ хочется одуряющимъ напиткомъ уморить сознание и затуманить ужасный образъ нужды со всей ея угнетающей обстановкой, всегда предносящейся предъ глазами и отгоняющей сонъ отъ очей. Голодь ведетъ къ кражѣ, къ грабежамъ. Тюремная статистика, впрочемъ, лучше всего подтверждаетъ это, наглядно представляя цифровыя данныя, изъ которыхъ видно, что въ тюрьмахъ, кромѣ евреевъ, мошенниковъ, да воровъ по привычкѣ, почти вовсе нѣтъ преступниковъ изъ зажиточныхъ крестьянъ, а сплошь и рядомъ—бѣдота, голъ

перекатная. Отсюда можно уже видѣть, какъ велика заслуга священника, подающего своимъ прихожанамъ вмѣстѣ съ духовнымъ хлѣбомъ пищу и для тѣла, разумными совѣтами и руководствомъ улучшающего ихъ бытъ и спасающего ихъ отъ бездны порока. Не станетъ же, въ самомъ дѣлѣ, священникъ, поучающій своихъ прихожанъ словомъ и примѣромъ разумному веденію хозяйства, учить ихъ богатѣть отъ неправедныхъ прибытковъ, всякими кривыми путями зашибать деньги; не поставитъ имъ въ примѣръ безсердечныхъ богачей, а въ силу своего высокаго званія—проповѣдника божественной истины—потребуетъ приобрѣтенія имущества разумнымъ и честнымъ трудомъ своихъ рукъ, по примѣру добрыхъ христіанъ, имѣющихъ наготовѣ и для себя и для нуждающихся кусокъ хлѣба.

Съ самыхъ первыхъ временъ жизни человѣчества богатство считалось Божиимъ благословеніемъ и наградой праведной и трудолюбивой жизни. Богъ благословилъ богатствомъ патриарховъ Авраама, Исаака, Иакова. Книги Моисеевы: Исходъ, Левитъ, Числъ, Второзаконіе преисполнены обѣщаніями житейскихъ благъ для боящихся Бога и исполняющихъ Его заповѣди. Церковь святая желаетъ новобрачнымъ, чтобы дома ихъ исполнились пшеницы, масла и всякой благодати. Самъ Божественный Спаситель въ преподанной христіанамъ образцовой молитвѣ заповѣдалъ народу наряду съ духовными благами просить у Отца Небеснаго и *хлѣба насущнаго*, чѣмъ ясно показалъ, что забота о хлѣбѣ не есть грѣхъ предъ очами Господними. Онъ же, Спаситель нашъ, хвалитъ рабовъ, умножившихъ вдвое полученные ими таланты, а *неключимаго* раба осуждаетъ въ тѣму кромѣшную, гдѣ плачь и скрежетъ зубовъ. Можно ли послѣ этого священнику, часто единственному образованному человѣку въ многочисленномъ приходѣ, равнодушно смотрѣть на множество неключимыхъ рабовъ, ничего не дѣлающихъ на своей землѣ по уму-разуму, а все по старымъ обычаямъ и предразсудкамъ, и чрезъ то теряющихъ добро, Богомъ дарованное?

Я далекъ отъ мысли, чтобы священникъ училъ своихъ прихожанъ сельскому хозяйству ex cathedra, замѣнялъ церковную проповѣдь чтеніемъ лекцій по агрономіи, пчеловодству и т. п. Нѣтъ, путь, которымъ пастырь долженъ сообщать своимъ пасомымъ разныя полезныя житейскія и сельско-хозяйственныя свѣдѣнія, — практическій. Нѣкоторые сельскіе священники — довольно значительные землевладѣльцы, занимающіеся хозяйствомъ. Какъ человекъ образованный, священникъ непременно заведетъ у себя лучший плугъ; у него не будутъ рѣзаться солому для корма въ старой соломо-рѣзкѣ; на его огородѣ не видно будетъ кустовъ бузины и другихъ лѣсныхъ деревьевъ; онъ воспитаетъ у себя въ питомникѣ множество прививокъ и научить этому сельскую молодежь, научить, какъ можно посредствомъ прививки облагораживать старыя плодовые деревья. Не имѣя мѣста въ собственномъ саду для насажденія прививковъ, излишекъ ихъ онъ отдастъ лучшимъ изъ молодежи въ награду за хорошее поведеніе въ школѣ и другія заслуги; какъ образцовый хозяинъ, онъ станетъ дорожить удобреніемъ и укажетъ прихожанамъ выгодные результаты жатвы на удобренныхъ поляхъ; онъ осушитъ свой лугъ, засѣетъ его полезными травами и укажетъ крестьянамъ громадную ихъ пользу. Онъ разведетъ хорошую породу скота, въ пчельникѣ заведетъ рамочную систему ульевъ, каждому любознательному все покажетъ и прихотить его къ тому же самому. У него будетъ собственный верстакъ, и въ непродолжительные пастырскіе досуги онъ станетъ укрѣплять свои мѣшцы пріятною и полезною работою, которой не преминетъ научить и другихъ. Такому пастырю, всегда готовому по-отечески учить, время никогда не наскучитъ, а прихожане окружаютъ его сыновнею любовью и почительностію. Въ Кіевской епархіи я познакомился съ 70-ти лѣтнимъ бодримъ и свѣжимъ старикомъ благочиннымъ, любителемъ и знаткомъ пчеловодства, который ежедневно работаетъ и на столярномъ станкѣ, и топоромъ, и дай Богъ, чтобы всѣ священ-

ники утѣшались такимъ глубокимъ уваженіемъ и такою любовью прихожанъ, какъ этотъ старецъ-патріархъ, вѣрно соблюдающій завѣтъ святаго апостола Павла: „не труждайся да не ясть“. Народъ любитъ усерднаго въ ручномъ трудѣ священника, считаетъ его своимъ, а онъ съ полнымъ правомъ можетъ сказать: „*всѣмъ вся бысть*“.

Говорятъ о „высотѣ значенія“ священника, но въ чемъ же состоитъ эта высота значенія у пастыря душъ, окруженнаго сельскимъ рабочимъ людемъ? Въ одномъ ли только богослуженіи, проповѣди, да совершеніи требъ? Развѣ хорошей примѣры въ хозяйствѣ, да случайный разговоръ о немъ въ свободное время мѣшаютъ этому святому дѣлу? Молчать ли долженъ истинный пастырь при видѣ укореившихся глупыхъ суевѣрій и предразсудковъ въ хозяйствѣ, въ родѣ такихъ, что въ пятницу не годится прѣсть, потому что отъ этого плачетъ Пресвятая Богородица, что въ день такого то святаго не слѣдуетъ работать волами, въ день другого — лошадьми, что будто бы въ день Успенія Честныя Главы святаго Іоанна Крестителя нельзя срубить капусты, изъ которой, если срубить ее въ этотъ день, потечетъ кровь и проч. и проч.? Развѣ въ такомъ молчаніи сказывается любовь христіанская, когда видишь ближняго, который и радъ бы завести у себя садъ, да не умѣетъ не только привить, но даже и посадить дичку, и садитъ ее со всѣми вѣтвями, безъ палки, такъ что вѣтеръ расшатаетъ ее въ корнѣ и она погибнетъ? Что же стоитъ сказать ему: этакъ не годится, братецъ, — надо сдѣлать такъ и такъ. Развѣ это будетъ безнравственно или этимъ уронится значеніе священника?

Заглянемъ въ исторію. Кто былъ учителемъ земледѣлія и вообще сельскаго хозяйства въ первыя времена христіанской эры? Уже святой Антоній Великій, а послѣ него — Пахомій, основатель монашеской жизни, устроившій въ началѣ IV столѣтія на Нильскомъ островѣ Тавеннѣ общежитіе, поставили главными правилами молитву и трудъ. То же устано-

вилъ и Василий Великій: молитву, поученіе и ручной трудъ. Въ 529 году основанъ былъ на Западѣ святымъ Бенедиктомъ Нурсійскимъ монашескій орденъ бенедиктинцевъ. Въ 73 статьяхъ его правилъ предписано кромѣ молитвы безпрестанное занятіе преимущественно земледѣліемъ. Этотъ наиболѣе молящійся трудолюбивый орденъ способствовалъ обращенію нѣмцевъ въ христіанство и сослужилъ великую службу наукѣ, литературѣ и земледѣлію. Ему, а не обществамъ земледѣлія, одолжена Германія высотой своей цивилизаціи вообще и сельскаго хозяйства въ особенности. Этотъ почтенный орденъ трудолюбивыхъ братьевъ научилъ народъ и полевому хозяйству, и скотоводству, и садоводству, и винодѣлію; на основаніи его труды и теперь продолжаютъ улучшать и совершенствовать эти отрасли человѣческой дѣятельности. Поэтому то, когда въ концѣ прошлаго вѣка, при императорѣ Иосифѣ II, было уничтожено множество католическихъ монастырей, не приносящихъ никакой пользы, орденъ бенедиктинцевъ, бывшій постоянно образцомъ учености и земледѣлія, остался неприкосновеннымъ, утѣшаясь глубокимъ уваженіемъ народа, владѣя несмѣтными богатствами, которыя онъ приобрѣлъ трудами собственныхъ рукъ. А развѣ наши монахи ничего больше и не знали, кромѣ молитвы и проповѣди слова Божія? И они шли въ безлюдныя мѣста, рубили лѣса, осушали болота, пахали землю, превращали пустыри въ огороды, сады; при нихъ селился народъ и перенималъ отъ нихъ вмѣстѣ съ словомъ Божиимъ и грамоту, и лучшіе способы веденія хозяйства. Благодаря этому, тамъ, гдѣ прежде были пустыни, теперь красуются цвѣтущіе города и деревни. И въ настоящее время иноки наши не считаютъ предосудительнымъ и противнымъ уставу своего житія занятіе ручнымъ трудомъ, земледѣліемъ, садоводствомъ, скотоводствомъ, пчеловодствомъ, рыболовствомъ и т. п., улучшая и совершенствуя ихъ соотвѣтственно нынѣшнему времени. Въ средѣ русскаго иночества есть много знаменитыхъ рукодѣльниковъ, художниковъ, живописцевъ,

архитекторовъ, и труды ихъ освящаются молитвою и образцовою жизнію. Для примотра достаточно указать на обители: Соловецкую, Балаамскую и др., вызывающія всеобщее удивленіе своею практическою дѣятельностью и образцовымъ веденіемъ хозяйства; даже иностранцы отдаютъ должную дань почтительности и удивленія старцамъ-труженикамъ этихъ монастырей, вѣчно борющимся съ суровою природою и труды молитвенные дополняющимъ тяжелыми трудами рукъ своихъ.

Священникъ есть прежде всего служитель церкви, но въ то же время онъ и гражданинъ великаго русскаго государства, обязанный всѣми силами служить Царю и родинѣ. Просвѣщеніе народа въ отношеніи увеличенія и улучшенія его благосостоянія есть величайшая гражданская заслуга. Государство хочетъ видѣть всѣхъ своихъ подданныхъ живущими въ довольствѣ, сердце Цареву радуется при видѣ счастья своихъ подданныхъ, но оно не можетъ не болѣть, когда въ одной и той же мѣстности нѣмецъ или чехъ-колонистъ благоденствуютъ и накапливаютъ капиталы, а русскій мужичокъ бѣдствуетъ, и не по другой какой причинѣ, какъ только по своему невѣжеству. Всякія сельско-хозяйственныя общества безъ содѣйствія мѣстной интеллигенціи, пользующейся довѣріемъ народа, не скоро могутъ проникнуть въ среду темнаго люда и принести ему практическую пользу. У насъ по большимъ городамъ существуютъ подобныя общества, а много пользы принесли они крестьянамъ? Крестьяне почти и не знаютъ объ ихъ существованіи. Бываютъ сельско-хозяйственныя выставки, но крестьянъ на нихъ не видно. Почему? Потому что нѣтъ такой доброй души, которая сказала бы мужичкамъ-хозяевамъ: „братцы, я ѣду на выставку, поѣзжайте и вы со мною. Тамъ увидимъ разныя хорошія и полезныя изобрѣтенія человѣческаго ума по части хозяйства, тамъ можемъ многому доброму поучиться“. На Киевской сельско-хозяйственной выставкѣ я видѣлъ только одного крестьянина, а за все время выставки ихъ перебывало такъ мало, что легко было чуть ли не

по пальцамъ перечесть. Что же тутъ можетъ сдѣлать общество? Развѣ станеть посылать въ каждую деревню своего агента звать крестьянъ на выставку? Да и послушаетъ ли народъ голоса чужаго, незнакомаго человѣка, повѣритъ ли ему? Въ самихъ сельско-хозяйственныхъ обществахъ иногда нѣтъ ни одного члена-крестьянина, даже въ обществахъ, преимущественно для крестьянъ учрежденныхъ! Кто же тутъ можетъ помочь и сослужить добрую службу государству? Никто, кромѣ священника. Но при такихъ превратныхъ понятіяхъ о „высокомъ служеніи“ священника, что въ виду его высоты вся природа слишкомъ ничтожна и низка, это благое дѣло не скоро осуществится. Его возьмутъ въ руки только учителя и другіе міряне, авторитетъ же духовенства отъ того ничего не выиграеть. Остается одно утѣшеніе, что не все духовенство раздѣляетъ такіа странна убіжденія, и слова Спасителя: „ищите прежде царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ“ не уничтожаютъ другихъ Его словъ: „взалахся и дасте Ми ясти, возжадахся и напоите Мене, нагъ бѣхъ и одѣяте Мене“ и пр. Можетъ ли добрый христіанинъ холодно смотрѣть на человѣка голодающаго и полунагаго, не посѣщающаго никогда церкви потому, что у него нѣтъ ни сапогъ, ни чистой сермяги, человѣка *православнаго*, который на высосаномъ своемъ полѣ косить жалкій овесъ, а сосѣдъ его чехъ или нѣмецъ-колонистъ на такомъ же полѣ, чрезъ межу съ нимъ, жнетъ на удобренной нивѣ колосистую пшеницу и живетъ припѣваючи. У православнаго родится на огородѣ ничтожный картофель въ то время, когда чехъ вручаетъ порядочныя деньги за хмѣль. Можно ли укорять чеха, ученика бенедиктинцевъ, за служеніе мамонѣ и хвалить нишаго православнаго за его крайнее невѣжество? Можно ли равнодушно пройти мимо хаты православнаго человѣка, вокругъ которой торчатъ кусты бузины, верба, береза, не приносящіе никакой пользы, а только тѣнью своею уничтожающіе подъ собой всю раститель-

ность, когда рядомъ, у дома чеха или нѣмца, красуются груши, яблони, вишни первыхъ сортовъ? И въ познаніи догматической истины, и въ пониманіи силъ природы есть *царство Божіе*, такъ какъ „небо—престоль Его, а земля подножіе ногъ Его“. Но гдѣ же научится нагой и босой догматическимъ истинамъ? Напрасно писать всякіе софизмы, отъ которыхъ вѣтъ холодомъ и отсутствіемъ братолюбія, напрасно сочинять пустыя фразы въ виду неопровержимаго факта, что только мощное слово русскаго Царя отъ 14-го марта 1886 года спасло Русь отъ нашествія иноплеменниковъ, грозившихъ залонить Россію не мечемъ, а вышею культурою. Если бъ не указъ Царскій, то нѣмцы уже давно стали бы хозяйничать на нашей Воляни, какъ у себя дома, и постепенно добрались бы до Кіева, повсюду овладевая землею православныхъ, далеко отставшихъ отъ нихъ въ умѣнны вести хозяйство. Тогда противники истиннаго и разумнаго паствырства душъ на опытѣ узнали бы, какъ скользокъ старій ихъ путь, къ какимъ плачевнымъ результатамъ онъ ведетъ.

Пишу это, какъ человѣкъ пожилой и опытный, много выдавшій и испытавшій на своемъ вѣку, пишу не для того, чтобы когонибудь укорить, на что не имѣю никакого права, но для того, чтобы обратить вниманіе всѣхъ благонамѣренныхъ людей, что пора наконецъ всѣмъ вѣрнымъ сынамъ Россіи единодушно и всѣми силами приняться за великое и святое дѣло просвѣщенія миллионъ темной массы меньшихъ братьевъ, ибо „дніе лукави суть“. Насъ окружаютъ народы, далеко опередившіе насъ на пути прогресса вообще и веденія рациональнаго хозяйства въ частности. Слѣдовало бы намъ, отцы и братіе, подумать о томъ, что не въ однихъ только словахъ апостольское служеніе, а въ оказаніи на дѣлѣ братской любви: „не любимъ словомъ, ниже языкомъ, но дѣломъ и истиною“ (1 Посл. Іоан. 3, 18). При чудесномъ насыщеніи голоднаго народа въ пустынѣ Божественный Спаситель сказалъ апостоламъ: „дадите имъ вы ясти“. Не звучитъ

ли въ этихъ словахъ вѣчный Божественный зовъ и ко всѣмъ пастырямъ, продолжателямъ служенія апостольскаго, словомъ и примѣромъ послужить меньшимъ братьямъ нашимъ, научивъ ихъ, какъ имъ умножить „хлѣбъ нашъ насущный“, безъ котораго немислимо духовно-нравственное развитіе народа.

Протоіерей І. Наумовичъ.

Извѣстія и замѣтки.

Десятилѣтіе Владимірскаго братства святаго благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго.

Основанное въ 1879 г. высокопреосвященнѣйшимъ архіепископомъ Владимірскимъ Теоностомъ съ цѣлью споспѣшествовать распространенію и утверженію въ народѣ здравыхъ понятій объ истинахъ православной вѣры, правилахъ благочестія, о церкви, ея священнодѣйствіяхъ и таинствахъ и противодействовать расколу, братство святаго Александра Невскаго скромно выступило на поприще своей духовно-просвѣтительной дѣятельности и не обольщало себя надеждами на громкую извѣстность. При небольшихъ сравнительно денежныхъ средствахъ оно стремилось къ указанной цѣли устройствомъ публичныхъ чтеній и устныхъ собесѣдованій, распространеніемъ книгъ и брошюръ духовно-нравственнаго содержанія, открыло епархіальную бібліотеку, находящуюся въ г. Владимірѣ, устраивало въ разныхъ мѣстностяхъ епархіи книжные склады и содѣйствовало открытію церковно-приходскихъ школъ. Но всѣ указанные роды дѣятельности братства въ первое время не могли имѣть широкаго развитія въ епархіи, по недостаточности средствъ братскихъ. Такъ, въ первый годъ своей дѣятельности братство имѣло въ своемъ вѣдѣніи только 8 церковно-приходскихъ школъ, публичныя чтенія оно устроило лишь въ одномъ городѣ Владимірѣ и самыхъ чтеній произвело лишь 32, книжныхъ складовъ

имѣло въ епархіи 28 и книгъ во всѣхъ этихъ складахъ продано было имъ на 574 руб. 53 коп. Весь расходъ братства въ первый годъ его существованія опредѣляется суммою въ количествѣ 3,328 р. 45 коп. Но прошло десять лѣтъ, и та живая сила—чувство любви христіанской, котораго такъ желалъ владыка Теоностъ членамъ братства при открытіи его, все болѣе и болѣе развиваясь въ нихъ, дала свои плоды, и нынѣ братство св. Александра Невскаго, по своей широкой дѣятельности, оцѣненной уже всѣми слоями общества и приобрѣвшей себѣ одобрительные отзывы, по справедливости можетъ быть названо однимъ изъ первоклассныхъ братствъ у насъ въ Россіи.

Вотъ краткія свѣдѣнія о каждой изъ отраслей дѣятельности братства за десятилѣтній періодъ его существованія.

Церковно-приходскихъ школъ, находящихся въ вѣдѣніи братства, было въ первый годъ только 8, а теперь имѣется 280; половина изъ нихъ помѣщается въ собственныхъ зданіяхъ, тогда какъ въ прежніе годы большинство школъ занимало наемныя помѣщенія, церковныя сторожки и дома, принадлежащія членамъ причта. Учащихся въ первый годъ существованія братства было всего въ школахъ 192 человѣка, въ годъ положенія о церковно-приходскихъ школахъ—4,237, а въ настоящее время обучается въ школахъ 8,159 человѣкъ обоаго пола. Составъ учащихся въ настоящемъ 1889 г. опредѣляется такъ: въ 262 школахъ законоучителями состоятъ священники, въ 3—діаконы и въ 15—окончившіе курсъ семинаріи; учителями въ школахъ состоятъ 150 лицъ также священники, 56—штатные діаконы, 55—окончившіе курсъ духовной семинаріи, 4—имѣющіе званіе народнаго учителя и 32 учительницы изъ дѣвицъ, окончившихъ курсъ въ женскомъ епархіальномъ училищѣ и свѣтскихъ прогимназіяхъ. Сумма по содержанию церковно-приходскихъ школъ епархіи, израсходованная братствомъ въ 10 лѣтъ его существованія, равняется 56,027 руб. 69 коп.; за вычетомъ изъ нея 42,264 руб. 86 коп.—денегъ, поступив-